

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

Н. А. НЕВСКИЙ

От „Московии“ к СССР

(Октябрь и японский язык)

Россия была известна Японии еще в феодальный период японской истории под именем *Orosha*, которое мало-по-малу вытеснило собой более древнее *Musukobiya*, известное через посредство голландского *Muscovia*.

Не имея постоянных сношений с Россией и русскими, японцы того времени не имели точного представления ни о размерах, ни о местонахождении государства. «В нашем государстве, — говорит *Kankai-ibun* (произведение начала XIX в.), — название *Orosha* существует с недавних периодов *An-ei* (1772—1780) и *Temmei* (1781—1788). Хотя и неизвестно, в каком направлении находится эта земля, но об ней часто приходится слышать из уст людей.¹ Это та самая земля, которая 100—150 лет тому назад называлась *Musukobiya*. В «*Gojiryaku*» почтенного Хакусэки² говорится, что *Musukobiya* отстоит от Японии приблизительно на 14 200 с лишком *ри*. Страна эта славится кожей. Варварские (= голландские) корабли этот иноземный продукт привозят в нашу страну, и по месту его производства торговые люди называют и кожу. Посему в мире среди видов кожи (для выделки кошельков и кisetов), называемых *inden*, *kobito*, *ogusha* и *amakawa*, есть также и *musukobiya*. Следовательно, *musukobiya* также одно из названий кожаных товаров...»

Из этой цитаты видно, что пока Япония не входила в непосредственные сношения с Россией, последняя была известна лишь феодальной торговой буржуазии и спецам ремесленникам своими кожаными товарами, доставлявшимися в Японию голландскими купцами, и помимо вышеприведенных слов *musukobiya* и *ogusha* (сюда, может быть, нужно отнести и название вида кожи *ogusha*) лексического материала, имеющего отношение к России, не было и не могло быть.

¹ В конце XVIII в. в Японию приезжало русское посольство Адама Лаксмана.

² Аран Хакусэки — известный японский *kangakusha* (1657—1725).

Случайные встречи отдельных японцев с русскими почти неизменно обогащали японскую географо-этнографическую литературу того времени сведениями о России и небольшим количеством русских слов, которые, конечно, никакого 'серьезного' влияния тогда не имели.

В первой половине XIX столетия мы находим уже несколько небольших сборников русских слов. Так, например, в 1813 г. один японский корабль, встретившись с сильнейшим штормом близ берегов провинции Идзу, более чем 2 года носился по волнам Тихого океана, и из всего экипажа, погибшего от голода, спасся только один человек, некий Огури Сигэкичи. На севере, куда его занесло течением, он познакомился с русскими, от которых записал свыше 350 слов. Вернувшись к себе на родину в Нагоя, он этот список издал под названием *Orosha-no kotoba* «Русские слова». Выход в свет такой книжки безусловно был обязан экспедиции Крузенштерна и Резанова (1803—1806), показавшей японцам, как трудно сношаться с иностранцами, не зная их языка. Вышеупомянутый список слов носит чисто случайный характер, и некоторые слова показывают, что он действительно был собран на севере — Сахалине или Камчатке. Для характеристики этого сборника приведу некоторые слова: *yuruta* «лачуга», (→ юрта), *mujiki* «крестьянин» (→ мужик), *zena* или *kasaika* «жена», *so-woni* «сегодня», *horonna* «холодно», *bennyasuka* «бедняжка», *gen* «день», *gengi* «деньги», *kameshi* «бамбук» (→ камыш). Некоторые слова восприняты неправильно; сюда можно отнести: *uasuna* «пасмурно», *bigu* «корова» (→ бык), *korowa* «бык», *agera* «редька» (→ репа), *arechica* «репа» (→ редька), *sena* «трава» (→ сено), *gina* «земля» (→ глина), *mashika* «кошка» (от названия кошки «Машка») и другие.

Еще более интересно появление *oro-sha-kotoba* («русские слова») в качестве приложения к небольшому словарю айнских слов «Эдзо-госэн», вышедшему в 1854 г. и являющемуся сокращением известного японско-айнского словаря «Мосиогуса». Это небрежно ксилографированное «приложение» с перепутанными буквами и неаккуратно поставленными знаками звонкости зачастую делает русское слово совершенно неузнаваемым. Так, например, на ряду с *rubaha* «рубаха», *geba* «рыба», *ishiwohota* («ись охота») «голоден», *senegi* (← шинель) «дождевой плащ» и др. находим такие слова, как *majiki* вместо *yajiki* «язык», *buriyagaha* вместо *buriyauha* (читай *buryōha*) «брюхо», *kofuni* вместо *yufuni* (читай *yūni*) «июнь», *herateri* вместо *heburagi* «февраль» и т. п.

Издание подобных сборников русских слов несомненно было вызвано не простой экзотикой и любовью ко всему экстраординарному, а неоднократ-

ным появлением русских военных судов, так называемых *кигобуне* («черных судов»), у берегов Камчатки, Курильских островов, Эдзо и, наконец, Нагасаки, что, конечно, для феодального правительства *Bakufu*, не имевшего настоящего военного флота, являлось прямой угрозой, могущей повести за собою непоправимые последствия.

В 1854 г., т. е. в тот год, когда был издан второй из вышеприведенных словников, в Нагасаки явился фрегат «Паллада», и адмиралу Путятину в январе 1855 г. удалось заключить торговый договор с Японией, подобный тем, какие уже были заключены этой страной с США и некоторыми европейскими государствами, благодаря чему начали понемногу раскрываться для Запада и его капитала закрытые двери «страны восходящего солнца».

После «реставрации» Мэйдзи (1867 г.), когда эти двери были открыты совсем и извне начал наступать западный капитал, а внутри создавалась новая промышленная буржуазия; последняя, выставив своим лозунгом европеизацию, бросилась в «борьбу за скорейшее перенесение и укрепление в Японии капиталистической системы Запада», другими словами за капиталистическое строительство, которое одно только, как правильно было учтено тогда новым классом, «должно было способствовать предотвращению опасности для Японии превратиться в полуколоннию Запада».¹

Передовые кадры новой промышленной буржуазии, перестраивая науку и технику на новый лад, целиком отдались самовооружению в смысле усвоения социально-политического мировоззрения Запада и принялись за перевод иностранной литературы, которая, как показал проф. Конрад, сначала была «научно- и политико-просветительная», а в дальнейшем и художественная.

Таким образом, наряду с массой английской, немецкой и французской литературы стала переводиться и русская художественная литература, сначала через посредство английских и немецких переводов, а потом и непосредственно с русского языка. Русские понятия, по преимуществу имевшие отношение к предметам материальной культуры, не находившие точного эквивалента в японском языке, как и в большинстве западных, оставались в таких переводах не переведенными, а в оригинальной своей форме, японизированной, конечно, в духе фонетики языка. Таким образом

¹ Цитаты заимствованы из статьи Н. И. Конрада «Первый этап японской буржуазной литературы». См. Проблемы литературы Востока в трудах Института Востоковедения АН СССР, стр. 10—11.

в литературу, а за ней и в японский стандартный язык (кокуго), т. е. искусственно созданный язык промышленно-капиталистической буржуазии, проникли такие слова, как *bagaraika* «балалайка», *korokku* «копейка», *rūburi* «рубль», *rēchika* «печка», *samowāru* «самовар», *toroika* «тройка», *uotsuka* или *uokka* «водка», *rubashika* или *rupashika* «рубашка», *zā*, *zāru* (с англ. *czar*) или *tsuā*, *tsuāri* «царь», *interigencha* или *interigentsuia* «интеллигенция» (переводится *chishikikaikyū*), *kozakku* «казак», *suteppu* (переводится *heigen* или *sōgen*) «степь», *tsundora* (перев. *taigen*) «тундра», *urā* «ура!», *tosuka* (перев. *kunō* или *sekaiku*; последнее слово, собственно, является переводом немецкого *Weltschmerz*) «тоска», *harashō* «хорошо» и другие.

Благодаря установившимся регулярным сношениям с Россией в выше-названной переводной литературе слово *Orosha* умерло окончательно и заменилось словом *goshiya* или *goshia*, и в обиходный язык вошло даже слово *gosukī*, или чаще с японизированным окончанием — *gosuke*, которое стало употребляться в презрительном смысле для обозначения русских.

Идеи русских романов, в общем, имели гораздо меньше влияния на умы японской промышленно-капиталистической буржуазии, чем английские, но все же идеи Тургенева, Достоевского и Толстого оказали несомненное влияние на часть этой буржуазии, на так называемых *goshiyabiiki* «руссофилов» и *goshiyatsū* «знатоков России». В больших промышленных центрах образовались общества изучения Толстого и его идей, которые стали известны под именем *torusutoizumu*, т. е. «толстовства». Небольшие группы этих *goshiyatsū* время от времени объединялись в небольшие компании, носившие разные экзотические имена вроде «*Samowaru-kai*» — «Общество Самовар» и др. Буржуазная молодежь, одеваясь в бархатные и вельветные *rupashika* и щеголяя в них по улицам Токио, воображала себя настоящими *goshiyatsū*.

Но вследствие того, что производителями всей массы переводной русской литературы, равно как и ее потребителями, была главным образом буржуазия, то как вышеприведенные русские слова, так и русские идеи были ограничены этим классом, точнее небольшой сравнительно группой внутри этого класса, и не проникали в громадные массы японского пролетариата. Если и наблюдалось случайное влияние русского языка на язык пролетариата, то это, конечно, только на рыбных промыслах Камчатки и на Сахалине, но такое влияние можно назвать лишь местным, влетным, на то лишь время, пока пришлое рабочее население северной Японии жило в этих местах на отхожих промыслах и пока имело там столкновение с русскими.

Но вот пришла Октябрьская революция, *jūgatsu-kakumei*¹ или просто *okushāburi*, Октябрь — освободившая пролетариат Советского Союза, и открывшая широкие исторические перспективы перед пролетариатом всего мира. Пролетарии Японии начали прислушиваться и присматриваться к русским событиям и на них яснее ясного поняли разницу между *yūsan-kaikyū* или *burujia* (буржуазия) и *musan-kaikyū* или *puroretariāto* (или *puroretaria*) или короче между *bugu* и *riugo*. Подобно тому как передовые кадры промышленной буржуазии эпохи Мэйдзи всецело отдались самовооружению, усваивая социально-политическое мировоззрение буржуазного Запада, точно так же передовые кадры японского пролетариата после Октября принялись за идеологическое перевооружение и самовоспитание, переводя на японский язык и изучая творения основоположников марксизма (*marukusu-shugi* или *marukishizumu*) и ленинизма (*rēnin-shugi* или *reninizumu*), т. е. труды *Marukusu*, *Engerusu* и *Rēnin*'а. Другими словами, пролетарии, а за ними и передовая интеллигентская молодежь, принялись за изучение *kagakuteki-shakaishugi* «научного социализма»; занимающиеся им получили название *marukisuto*, или *marukishisuto*, *marukushisuto*, т. е. марксистов. Увлечение идеями Маркса, Энгельса и Ленина, охватившее большую часть учащихся в высших и специальных школах, неизбежно должно было вызвать появление, главным образом среди буржуазной молодежи, таких молодых людей, которые, познакомившись поверхностно с 2—3 брошюрами Маркса или Ленина, стали воображать себя настоящими марксистами. Такие марксистствующие барчуки получили кличку *marukusu-boi* (*Marx-boy*) или сокращенно *tabo* («марксята»), а подобные же представительницы прекрасного пола стали называться «энгельсовыми девочками» — *engerusu-gāru* (*Engels-girl*) или сокращенно *ega* (впрочем, иногда можно встретить и слово *marukusu-garu* — *Marx-girl*).

Благодаря переводу «Капитала» (*Shihon-ron*) и других работ по марксизму — ленинизму в японский язык вошла масса новых экономических и социальных терминов или в переводе на японский язык, или в оригинальной форме, приворовленной к фонетике языка, или, наконец, и в той и в другой параллельно.

Сюда должно отнести такие понятия, как *shihonshugi* или *kyapitarizumu* (капитализм), *teikokushugi* или *imperiarizumu* (империализм), *kin-yū-*

¹ Иначе и даже чаще, пожалуй, называется *jūichigatsu-kakumei* «ноябрьской революцией» так как октябрь старого русского стиля соответствовал ноябрю нового, еще со времени Мэйдзи принятого в Японии; равным образом Февральская революция обычно называется *saugatsu-kakumei* «мартовской революцией».

shihonshugi, «финансовый капитализм», shihonshugiteki-teikokushugi «капиталистический империализм», tsūka-bōchō или infurēshon «инфляция», tsūka-shūshuku или defurēshon «дефляция», jōyo-kachi «прибавочная стоимость», shihonshugiteki daisanki «третий период капитализма», teikoshugisensō «империалистическая война», dokusen «монополия», kyōkō буквально «паника», употребляющееся в значении мирового экономического кризиса, rōdōkumiai «профсоюз», shakaiminshushugi «социал-демократия» (как учение), shakaiminshutō «социал-демократическая партия», shakai-fuashisuto «социал-фашисты», kyōsan-shugi или kommyunizumu (коммунизм), kyōsantō «компартия», kyōsantō-sengen «Коммунистический Манифест» и идущий из него лозунг пролетариата bankokuno musansha danketsu seyo «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», musankaikyū-sensei или musankaikyū-dokusai «диктатура пролетариата», kaikyū-tōsō «борьба классов», minshushugi-kakumei «демократическая революция», puroretaria-kakumei «пролетарская революция», kakumeiteki-rōdōsha «революционные рабочие», kokusai-shakaishugi-dantai или intānashonaru «Интернационал» (имеется в виду II Интернационал), и понятия о daiichi-, daini- и daisan-intānashonaru, т. е. о первом, втором и третьем Интернационале и так называемом mosukō-intānashonaru «Московском Интернационале» (иначе sekishokurōdōkumiai-intānashonaru), известном более под русским наименованием purofuinterun (Профинтерн), kokusai-kyōsantō или kominterun (Коминтерн) и др.

Вся эта терминология наводнила ежедневную, еженедельную и ежемесячную прессу, благодаря чему быстро была усвоена японским пролетариатом и передовыми кадрами интеллигентской молодежи. И те и другие начали знакомиться с материалистической диалектикой «benshōhō» и изучать yuibutsubenshōhō «диамат» (иначе benshōhōteki- yuibutsuron).

В японской литературе появились термины: kaikyū-ishiki «классовое сознание», shinkyōkaikyū «восходящий класс», в то время как капиталисты (shihonka) и помещики (jinushi) стали открыто надеяться кличкой kisei-kaikyū, т. е. «класса паразитов».

Революционная практика заставила создавать, усваивать и применять на деле, как методы революционной борьбы, такие понятия, как jūindō или demonsutorēshon «демонстрация», которая короче называется просто demo (от этого последнего слова должно отличать dema, являющееся сокращением слова demagōgu «демагог»), purogaganda (пропаганда) или сокращенно — puro, сочетание последних сокращенных слов в purodemo «пролетарская демонстрация», ajipuro «агитпроп» (с англ. agitation — пропра-

ganda), kampaniya (кампания) или сокр. kampa, purokaru(to) (с англ. proletarian culture) или musansha-kyōiku «пролетарское воспитание», sōdōmei-higyō или zeneraru-sutoraiki (с англ. general strike) «всеобщая забастовка» (данное понятие чаще всего употребляется в сокращенной форме zenesuto), sōgidan «стачечный комитет», idōhombu «передвижной ц.-к.», руководящий редвижением и вынужденный постоянно менять свое местопребывание, чтобы скрываться от японской полиции, sugogan (с англ. slogan) «лозунг», darakan (сокращение из daraku-kambu) «разложившаяся верхушка», arukan (сокращение из arukōgu-kambu, где arukōgu — алкоголь) «пьяная верхушка» и пр. (в применении к «желтым» профбюрократам).

Понятия «левый» и «правый», «красный» и «белый» стали употребляться в японском языке с теми специфическими оттенками классовой борьбы, которые они давно уже имеют на Западе, но которые прежде были чужды японскому языку. Таким образом появились слова вроде sayoku-undō «левое (т. е. революционное) движение», sayoku-shōnibyō «детская болезнь левизны» — термин, заимствованный из произведения В. И. Ленина того же названия, переведенного на японский язык. Этот термин, быстро привившийся среди японского пролетариата и получивший весьма широкое распространение, часто сокращается в shōnibyō «детская болезнь», и выражение shōnibyōme стало употребляться как ругательное слово для обозначения крайних левых загибщиков. Сюда же должно отнести понятия ukei «правого уклона», sakei «левого уклона» и kyokusayoku или, короче, kyokusa «крайней левизны» в смысле «левого загиба».

К человеку и его идеям стали применять слова akai «красный» и shiroi «белый» (Советский Союз начал иногда называться akai-kuni «красной страной») и к массе понятий прилагать в качестве эпитетов слова sekishoku «красный цвет» и hakushoku «белый цвет» (например, hakushokutero «белый террор»). Наряду со словами sekieigun или sekigun, являющимися переводом русского «Красная армия», вошел в обиход и термин hakueigun или hakugun «белогвардейцы», употребляющийся в смысле контрреволюционеров вообще (между прочим, «русские белые» иногда так буквально и переводятся goshiyano shiro). Врожденный японский юмор и любовь к конкретным сравнениям применил слово akadaikon буквально «красная редька» (один из видов редьки с красным внешним покровом, редиска) к лицам, внешне окрашенным в красный цвет, по существу же остающимся белыми. Появился также новый термин sekka буквально «окраснение» в значении «большевизация» и от него глагол sekkasuru «большевизировать».

Сокращенные слова *bugu* и *riugo*, которые мы видели выше, тоже породили новые глаголы *burugagu* «корчить из себя буржуя» и *riugobugu* «подделываться под пролетария».

Зорко следя за всеми событиями в СССР, японская пресса быстро перевела на японский язык новые советские термины, многие из которых поступали и продолжают поступать в оригинальной, японизированной в духе языка форме, и последняя зачастую даже доминирует над японским переводом и в таком виде усваивается японским пролетариатом.

Таким образом в современный японский язык вошли слова нашего государственного механизма, в роде *shikkōin-kai* «исполком», *chūshikkōin-kai* или *tsūki* «Центральный Исполнительный Комитет» (ЦИК), *jimmin-iinkai* или *narukomu* «нарком(ат)», *jimmin-iin* или *komissāgu* «коммисар», *rōbōseifu* «рабоче-крестьянское правительство» (также *rōheikai* «Совет рабочих и солдат»), которое стало называться также *savēto*, *soueto*, *sovietto* т. е. «советами». Последнее слово (в различных фонетических передачах) сделалось почти постоянным эпитетом ко всему «советскому», официальным переводом слова СССР стало *skakaishugi-sovietto-kyōwakoku-rempō*. Понятие *kagekiha*, которое можно перевести словом «максималисты» и которое в Японии первое время после Октября употреблялось (и отчасти еще продолжает употребляться) для обозначения большевиков, в последние годы почти окончательно вытеснено словами *borushievikku* (большевик) и *borushieviki* (также *borushibiki*), сокращаемыми иногда в *boru*; последние противопоставляются *menshieviku*, *menshieviki* «меньшевикам», равно как *borushievizumu* (большевизм) противопоставляется *menshievizumu* (меньшевизм) и *torotsukizumu* или *torokkizumu* (троцкизм). Любопытно здесь отметить, что приложение окончания — *изм* к собственным именам тоже нашло отклик в современном японском языке, где так были образованы слова *fukumotoizumu* (Фукумотоизм) и *yamakawaizumu* (ямакаваизм) для обозначения левого и правого уклонов в японской компартии (от собственных имен Фукумото и Ямакава).¹

Слово *interigencha* или *interigentsuia*, заимствованное, как мы видели выше, еще в период Мэйдзи, утратило после Октября свой ореол, обязанный русской буржуазной литературе и в сокращенной форме *interi* стало употребляться скорее в значении интеллигентщины, чем старого интеллигенция. Такой оттенок данное слово носит, например, в таких соче-

¹ От русских собственных имен подобное образование помимо уже упомянутого «толстоизма» находим в слове *korontaizumu* (коллонтаизм) или *korontaishugi*, под которым понимаются взгляды т. Коллонтай на брак.

таниях, как *interigurūpu* «интеллигентская группа», *interide* «выходец из интеллигентов», и *gumpen-interi*; последнее слово создано по ассоциации с *gumpenpuroretaria* (с нем. *Lumpen-Proletariat*).

Из русских слов, вошедших в японский язык за последние годы, должно еще назвать: *purōfu-sayūzu* «профсоюз», *tsuentorosoyūzu* «Центросоюз», *purōmpurau* «промплан», *purōmubyūgō* «промбюро», *gosupuran* (переводится — *sovetto-kokka-keizai-keikaku-iinkai*) «госплан», *gosubanku* «госбанк», *gosukino* «госкино», *orugubyūgō* «оргбюро», *piyachiretoka* или *gokanenkeikaku* «пятилетка», *piyachizunefuka* (или *issū-itsuka-sei*) «пятидневка» (сравни также *renzoku-shūkan-sei* «непрерывка»), *komusomōru* или *kyōsanseinendōmei* (сокращенно *kyōsei*) «комсомол», *komusomōruka* «комсомолка», *piōnēgu* или *piōnīru* (переводится *sekishoku-shōnendan* или *kyōsan-shōnen-dōmei*) «пионер» (отличать от *paionia* с английского *pioneer* — в обычном общеевропейском значении), *koruhōzu* или *koruhosu* (перев. *kyōdōnōjō*, *kokueinōjō*, *kyōdōkeiei*) «колхоз», *sofuhōzu* (перев. *kokkakeiei*) «совхоз», *torakutā* (перев. *ken-inki* или *ken-insha*) «трактор», *yachieka* (также *yachieika*) или *saihō* «ячейка»,¹ *narōdo* «народ» и *narodoniki* «народники», *isukura* «Искра», *purauada* «Правда» и др.

Кроме уже упомянутых советских сокращенных терминов в современном японском языке мы находим еще *neppu* или *shinkeizaiseisaku* «нэп», *neppuman* «нэпман», *esuegu* «с.-р.», *chieka* «ч.-к.», *gērēū* «ГПУ», *uokusu* «ВОКС», *erukārē* «РКП», *kūtobe* «КУТВ», (перев. *tōyō-rōdōshakyōsandaigaku*), *morpuru* или (*kokusai-*) *sekishoku-kyūenkai* «МОПР», *wappu* «ВОАП», *mappu* «МАПП», *rappu* «РАПП» и др. По ассоциации с последними объединениями советских писателей, группа японских пролетписателей (*purōsakka*) тоже объединилась в *rappu* и стала издавать журнал данного наименования. Название это в латинице пишется *NAPF* и восходит к эсперанто *Nippona Artisto Proleta Federacio*. Данная ассоциация просуществовала до ноября 1931 г., когда все японские пролетписатели объединились в *korpu* ← *KOPF* (*Federation of Proletarian Cultural Organisations in Japan*).²

В короткой статье абсолютно невозможно перечислить все новообразования и заимствования в японском языке, обязанные Октябрьской революции, тем более, что постоянные переводы марксистско-ленинской литературы, с одной стороны, и художественной пролетлитературы —

¹ Любопытно, что для перевода русского слова «ячейка» японцы воспользовались тоже биологическим термином *saihō* (или *saihō*).

² В 1933 (?) году данное объединение подверглось репрессиям со стороны правительства и было ликвидировано.

с другой, а также оригинальная продукция массы новых японских пролетарских писателей с каждым днем обогащают язык новыми словообразованиями и заимствованиями. Конечно, неизбежно, что некоторая часть всей массы новых слов и словообразований, выступивших на арену японского языкового мышления, не привьется и сойдет со сцены, но, в общем, можно сказать, что почти ни одно из этих слов не носит того специфического оттенка, который так характерен для русских заимствований эпохи Мэйдзи и который может быть назван экзотикой.

Ведь в период Мэйдзи, как мною уже было сказано выше, производство и потребление новых слов обязано было исключительно промышленной буржуазии, для которой при капиталистическом строительстве были наиболее актуальны наука и техника, а вместе с ними и вся терминология передовых государств Запада; а так как Россия в то время не могла похвастать, что стоит в этом отношении на одном уровне с западными странами, то увлечение ее идеями со стороны некоторой части японской буржуазии (особенно в эпоху Тайсё) может рассматриваться именно как экзотика, как некоторое отвлечение от западного шаблона.

После Октября положение изменилось. В новых заимствованиях, вошедших или в оригинальной русской форме непосредственно из русского языка, или через посредство английских и немецких книг, или в виде слов — переводов на японский язык — уже нет никакой экзотики, отдаленной от жизни, наоборот, усвоенные термины оказываются близкими пролетариату и тотчас же применяются к жизни. Например, слово *kabeshimbun*, являющееся буквальным переводом русского «стенгазета», не осталось забытым на страницах журналов и пролетарской литературы (*purobungaku*), а вызвало появление реальных *kabeshimbun* в некоторых пролетарских ассоциациях и на заводах, как одного из средств воспитания пролетариата в духе революционной борьбы. По ассоциации с этим словом родилось слово *kabeshōsetsu* «стенрома», которое тоже воплотилось в действительности. Слово «синяя блуза» было переведено буквально *aofuku* и стало употребляться в значении «рабочий», и по образцу Советского Союза в некоторых городах (например, в Киото, Мацумото и др.) появились театры *aofukuza*, работающие с агитационными целями среди рабочих и крестьян. Японский пролетариат заговорил о *puroretaria kagaku* (сокр. *purokagaku*) «пролетарской науке», *puro-geijutsu* «пролетарском искусстве» и пр.; деятели пролетарского кино объединились в союз, названный *purokino*; появилась пролетгазета *Musansha Shimbun* (сокр. *mushin*). Пролетарии Японии не только заговорили о новых профсоюзах, но и сами стали объединяться в такие союзы. Таким образом

появились Zen-Nihon-musan-seinen-dōmei «Всеяпонский союз пролетарской молодежи», zenkoku-gōdō-kumiai-dōmei «Общегосударственный союз рабочих профсоюзов», Nihon-nōmin-kumiai «Японский крестьянский союз» и пр. Пролетарии больших промышленных центров стали ежегодно выступать с демонстрациями в день 1 мая, называемый по-японски mēdē (с английского May-day) или иначе gōdōsai (рабочий праздник) или gōdōdē (день рабочих) и праздновать подобным же образом kokusai-fujindē «международный женский день», kokusaiseinendē «Мюд» и прочие пролетарские праздники.

Русское слово tavārishichi («товарищ») и его перевод dōshi стали фигурировать во всех печатных обращениях и воззваниях к пролетариям, вытесняя исконное kun (или shokun при обращении к массе). Слова tavārishichi и dōshi стали проникать и в устную речь японского пролетариата и употребляться иногда даже в порядке русского синтаксиса, т. е. перед фамилией, а не после нее, как того требует японский язык.

Вся вышеприведенная новая терминология, вызванная из небытия к бытию исключительно благодаря Октябрьской революции, живет на страницах японской пролетлитературы, переходит на уста японского пролетариата и претворяется в живую действительность. Представители «реформизма» (kairyōshugi) и так называемые shimpasaizā (с англ. sympathizer) или сокращенно shimpa «сочувствующие», т. е. левый фронт японской буржуазии, на страницах реформистских журналов тоже уже говорят новым языком, чтобы быть понятными подымающемуся пролетариату.¹

Советская Россия во всех этих журналах и пролетлитературе обычно называется soueto-roshiya или sovetto-rempō (сокращенно sorempō), т. е. «Советский Союз»; о феодальном названии ogosha нигде нет и помину, а о musukobiya никто даже и не знает.

---

¹ Отмечу здесь еще слово hiyorimishugi «оппортунизм», образованное из слова hiyori-mi «высматривание хорошей погоды», и слова shugi «принцип», употребляющегося для перевода европейского окончания -изм.